

Из воспоминаний князя Дмитрия Николаевича Долгорукова

В 1853 году доктора приказали мне провести зиму в теплом климате. Я служил в Кавалергардском полку. Моя мать, зная, что Государь Николай Павлович не любит, чтобы молодые люди ездили за границу, обратилась к Наследнику (командиру Кавалергардского Корпуса), прося его устроить, чтобы я получил отпуск 11-ти месячный. Наследник обещал, но Государь согласился только на шестимесячный. Я вышел в отставку, что огорчило моего отца.

Весною 1854 года я был в Неаполе и, узнав, что наши войска перешли в Молдавию и начнется война с Турциею, я отправился в Варшаву, явился к фельдмаршалу князю Пашкевичу и попросил его взять меня ординарцем.

– Охотно я бы взял вас, но вы знаете, как Наследник не любит, чтобы Гвардейские офицеры переходили в армейские. Поезжайте в Петербург, и если вам удастся поступить в армейский полк, то приезжайте ко мне в штаб.

В Петербурге я поступил в Гессен-Кассельский полк и отправился к фельдмаршалу, который осаждал тогда Силистрию. Я нашел фельдмаршала больным, и он уехал. Начальство перешло к князю Горчакову, и все адъютанты и ординарцы перешли к нему. Князь Горчаков начал энергично осаждать Силистрию. Был назначен и день ее взятия, ночью мы были уже в траншеях, как неожиданно приехал адъютант фельдмаршала с приказом не брать крепость и отступить.

К зиме мы пришли в Кишинев, где провел зиму князь Горчаков со своим штабом, помогая князю Меншикову войсками. Часто посылал он курьеров в Севастополь. Моя очередь тоже пришла. Я поехал с письмом к князю Меншикову и с приказанием все осмотреть и доложить подробно о ходе осады. Я остановился у свиты Великих Князей, осмотрел все бастионы с Остен-Сакеном и Тотлебенем и, получив разные сведения и письмо от князя Меншикова, возвратился в Кишинев.

Затем я ездил в Петербург, где тогда умер Государь Николай Павлович. Князь Горчаков назначен был на место Меншикова.

Из Петербурга я поехал прямо в Севастополь, в конце марта, и дежурил часто на 4-м бастионе. Все лето из Петербурга убеждали князя Горчакова сделать диверсию для Севастополя со стороны Черной речки. Князь не соглашался, будучи убежден, что невозможно атаковать неприятеля в этой местности и что мы наверно потеряем сражение. В августе приехал генерал Вревский из Петербурга. Что именно он доложил князю Горчакову, нам неизвестно; но князь решился дать сражения против своего убеждения. Вечером накануне я слышал, как генерал Вревский сказал князю: «Завтра, князь, будет для вас великий день славы». Князь сделал знак неудовольствия. На другой день, во время сражения, явно было, что князь искал смерти; но Бог его спас, и из всей многочисленной его свиты никто не был убит, кроме генерала Вревского. Не промысел ли это Божий? После сражения мне пришлось по службе взойти к князю. Я нашел его молящимся на коленях и плачущим.

Последний день в Севастополе князь потребовал адъютанта. Я явился. Заметно было его смущение. Он знал, что я единственный сын у моих родителей, и он был убежден, что, посылая меня в этот день на бастион, посылает на верную смерть. Он сказал князю Васильчикову: «Дайте ему хорошего казака. Когда явился я благополучно с 4-го бастиона, князь приказал мне всю ночь находиться у моста при переправе жителей Севастополя и чтобы к рассвету ни один житель не остался в городе. Всю ночь бабы на повозках кричали, плакали. Утро приближалось. Начали уже разбирать мост, а еще несколько повозок с пожитками не успели переправиться.

Что делать с ними? Я решился побросать их в море. После всех войск главнокомандующий с генералом Коцебу оставил Севастополь и со мною, дежурным адъютантом. Во время переправы Коцебу сказал князю: «Какой великолепный вид! Севастополь весь пылающий! Это достойно кисти Брюллова». Князь не посмотрел и даже отвернулся. Во время переправы князь спросил меня: «Было жутко на бастионе?» я отвечал, что не более обыкновенной бомбардировки.

В октябре приехал в Севастополь дядя мой князь Борис Дмитриевич Голицын. Видя, что я хую и дурно себя чувствую, он просил князя Горчакова отпустить меня в Петербург. До Москвы я доехал на перекладной. В апреле я женился, и мы поехали в Варшаву, где уже был князь Горчаков наместником. В августе было коронование Государя Александра Николаевича, и я был переведен тем же чином в гвардию: большая награда по милости моего добрейшего начальника. Произведенный в полковники, я находил, что неудобно оставаться в этом чине, будучи адъютантом, и вышел в отставку: хотя князь предложил мне командовать Александрийским гусарским полком, но я отказался.

Вот как я отплатил неблагодарностью моему доброму начальнику за все его милости.

Мы поселились в Петербурге. В именины моей матери Государь приехал ее поздравить и сказал моему отцу: «Ваш сын вышел в отставку». Мой отец ответил: «Да, он сделал эту глупость, говоря, что он слаб здоровьем для военной службы». Государь возразил: «Кроме военной есть другие службы». Когда Государь уехал, мой отец позвал меня к себе и сказал: «Государь тебе предложит служить. Я буду просить зачислить тебя в придворный чин». – «Ни за что не желаю!». Это очень огорчило моего отца.

Два года мы провели в Италии, а вернувшись в Россию, поселились в Москве, чтобы воспитывать сыновей дальше от гвардейской молодежи и роскоши Петербургской; но впоследствии я сожалел об этом. Когда мой отец скончался, моя мать, зная, как огорчало моего отца, что я не служу, обратилась, не сказав мне, к Императрице и просила ее доложить Государю ее просьбу сделать меня шталмейстером. Государь сказал: «Я давно это бы сделал, но думал, что он этого не желает (каким образом дошло мое нежелание до Государя, я не знаю). Скажите, что в Москве я исполню желание княгини». В Москве, после свадьбы Великой Княжны Марии Александровны, я был пожалован шталмейстером и поступил в члены Комитета Человеколюбивого Общества, был попечителем Набилковского Училища, после членом Тюремного Комитета и попечителем Мясницкой больницы, наконец, в Комиссии о построении Храма Спасителя. Был я и председателем Общества Торгового Мореплавания.

В царствование императора Александра II-го были маневры в Ружском уезде, и многие офицеры жили у меня в деревне. Меня удивило, что у офицеров все денщики были поляки, финны, латыши, и ни одного русского. На мой вопрос мне отвечали, что когда русский солдат попадет в денщики, он тот сейчас же начинает пьянствовать. Я передал это Николаю Моченову (он теперь старшина), и тот мне ответил:

– Это вы виноваты.

– Каким образом?

– Да, вы виноваты; вы дворяне, имеете право говорить правду Государю. Зачем он распускает так свой народ?

Князь Дмитрий Долгоруков